

Тринадцатый принц не спал всю ночь. Подперев голову руками, он устроился прямо на пороге. Ночной ветер ощутимо холодил кожу, но мальчик упрямо всматривался в темноту двора. Вдруг вдали заколыхался крошечный огонек. Он прищурился: из темноты, тихо покачивая маленьким фонарем, шел Кон Цзяцзы.

Му Юаньюн мгновенно вскочил, но тут же замялся, сочтя свой порыв неподобающим, и сел обратно. Впрочем, усидеть на месте не удалось — пониже спины словно муравьи кусали. Плюнув на этикет и величие, приличествующие принцу, он сорвался с места и в несколько шагов долетел до Кон Цзяцзы, замерев прямо перед ним.

Вглядевшись в лицо Кон Цзяцзы, принц смерил его долгим взглядом и не удержался от ворчливого упрека:

— Ну и где тебя носило? Еще немного — и первые петухи запоют!

— И у кого во дворе петухи водятся? — беззлобно усмехнулся Кон Цзяцзы. — Ночью такой холод, а ты торчишь на пороге. Глупый ты все-таки.

— Не спалось мне, — буркнул Му Юаньюн. — К тому же я парень молодой, горячий, кровь во мне бурлит — никакой мороз не возьмет.

Кон Цзяцзы лишь покачал головой. Он хотел было продолжить отчитывать мальчишку, но осекся. На душе почему-то стало не по-детски тоскливо и тяжело. Какая ирония: перед ним стоял человек, который прожил целую жизнь, переродился и по сути был старше его на добрый десяток лет. Но этот «старик» с таким упоением корчил из себя неразумное дитя, что ему волей-неволей приходилось за ним присматривать и вечно ворчать.

Некоторым людям, видимо, суждено до седых волос оставаться детьми.

Му Юаньюн забрал фонарь. Пальцы принца оказались ледяными как железо — сразу стало ясно, сколько часов он простоял на пронизывающем ветру.

Кон Цзяцзы все-таки не выдержал:

— Пальцы окоченели, а все твердит: «не замерз, не замерз»!

— Да ладно тебе, грудь-то горячая... Не веришь — сам потрогай, засунь руку под одежду.

Кон Цзяцзы зыркнул на него:

— А ну марш в дом. Сейчас согрею воды, хоть ноги отогреешь.

— Да брось ты, не возись, — попытался остановить его принц. — Сейчас нырну под одеяло и живо согреюсь.

Кон Цзяцзы потянулся было к нему, но неосторожное движение растревожило рану. Из груди вырвался тихий стон.

Решив, что Му Юаньюн ничего не заметил, он попытался сохранить невозмутимый вид:

— Где это видано, чтобы принцы так пренебрегали собственным здоровьем...

Однако Му Юаньюн уже всё понял. Обладая недюжинной для своего возраста силой, он перехватил Кон Цзяцзы за плечи, бережно огибая раненое место. Принц нахмурился и прищурился:

— Ты к вдовствующей императрице ходил или на кулаках с кем-то дрался?

Не дожидаясь ответа, он увлек Кон Цзяцзы в комнату и молча принялся осматривать рану.

Убедившись, что порез неглубокий и аккуратно перевязан, принц облегченно выдохнул:

— Сухожилия не задеты. Главное — не делай резких движений, недели за две все затянется.

— Ты разбираешься в ранах? — удивился Кон Цзяцзы.

— Пришлось научиться, — кивнул Му Юаньюн. — Интригами я не вышел, вот и брал другим. Во время Западного похода я отказался от почестей, делил с простыми солдатами хлеб и кров — там со временем всему и научился. — Он отмахнулся, словно речь шла о сущих пустяках. — Расскажи лучше, что стряслось сегодня ночью? Неужели и к вдовствующей императрице подослали убийц?

Кон Цзяцзы подробно, до мельчайших деталей, рассказал обо всем, что случилось этой ночью.

Му Юаньюн изумленно вскинул брови:

— Зачем Седьмому принцу идти на такой риск? — Он резко осекся, и взгляд его прояснился. — Вот оно что...

— Ты догадался? — спросил Кон Цзяцзы.

— В прошлой жизни я никак не мог взять в толк, почему спасителями в деле о покушении выставили Восьмого и Девятого принцев. Два юнца, еще не получившие титулов, безвылазно

сидели во дворце. Будь у них хоть трижды умелые шпионы, предел их возможностей — собирать сплетни о наложницах. Как они умудрились раскрыть столь тонкий заговор? Теперь все сходится. Дело куда глубже, чем мне казалось раньше. Тот, кто стоял за этим, и не думал убивать отца. Танцовщица — всего лишь обреченная на смерть пешка. Ему требовалось не само убийство, а шум вокруг него, чтобы разыграть свою карту.

— Но какая цель стоит того, чтобы устраивать столь опасную игру? — поразился Кон Цзяцзы.
— Малейший промах — и он сам сгорит в этом пламени! Это же чистой воды безумие.

— Разумный человек никогда бы так не поступил, — усмехнулся Му Юаньюн. — Но Седьмой брат — законченный безумец. Попытаться понять мотивы сумасшедшего бесполезно. Он способен на всё.

Кон Цзяцзы вспомнил мгновение, когда Седьмой принц занес клинок над вдовствующей императрицей. В его глазах полыхала дикая ненависть, отражавшаяся в ледяном лице женщины.

И по-настоящему пугал не обезумевший принц, а именно она — вдовствующая императрица, которая еще недавно кончиками пальцев приподнимала его подбородок, бесстрастно вглядываясь в его лицо.

— Но как вдовствующая императрица... как она узнала обо всем заранее?

— Должно быть, она долгие годы тайно следила за каждым закоулком дворца, выжидая идеального момента, чтобы вернуться в игру. Попытка Седьмого брата подставить ее обернулась для нее даром небес. А почему он решил поджечь ее дом? Скорее всего, из-за меня. Ты ведь видел, в какое запустение пришел в последнее время Дворец Биюань. — Принц горько покачал головой. — Я и сам не подозревал, что за моей спиной незримо стоит вдовствующая императрица. Выходит, Седьмой брат раскусил ее игру раньше меня.

Кон Цзяцзы поднял глаза:

— В твоей прошлой жизни... все было так же?

Взгляд Му Юаньюна устремился куда-то вдаль:

— Тогда я еще скрывался под женским платьем. В этот раз мое появление спутало карты: Седьмой брат ударил раньше времени, да и вдовствующая императрица вышла из тени прежде срока. Но развязка осталась прежней, изменились лишь сроки. Знаешь, по сравнению с ними... я чувствую себя полной посредственностью.

Кон Цзяцзы пристально посмотрел на него. Этот человек в будущем взойдет на престол, но в глубине души так и останется затравленным, неуверенным в себе мальчишкой.

— Кто сказал, что ты посредственность? — Кон Цзяцзы коснулся его плеча. — Тебе суждено взойти на престол. Твоей воле покорится вся Великая Юн, миллионы людских судеб окажутся в твоих руках. Произнося эти малодушные слова, ты хоть на миг задумывался о них?

— Му Юаньюн, я сейчас отброшу все приличия и назову тебя по имени. Спроси себя: восседая на троне, сделал ли ты хоть что-то ради блага своего народа? Разве подобает настоящему мужчине тратить жизнь на мелочную возню с гаремными бабами и дрожать над сиюминутной выгодой? Все эти интриги — лишь кривые дорожки, недостойные правителя. Ты сокрушаешься, что власть досталась тебе слишком легко, что вдовствующая императрица преподнесла ее тебе на блюде, и из-за этого добровольно запер себя в ее тени. Тебе не кажется это смешным?

Каждое слово Кон Цзяцзы било наотмашь:

— Пусть Седьмой и Одиннадцатый принцы искушены в плетении заговоров. Но вдовствующая императрица сделала ставку на тебя не только из-за родства твоей матери с кланом Кон. Она выбрала тебя потому, что они непригодны для власти! Те, кто привык прятаться в тени, упиваясь собственной хитростью и ломая чужие судьбы ради личной выгоды, не способны созидать. Дай такому человеку править страной — и что он принесет государству? Правитель, в чьем сердце нет места доброте, состраданию и милосердию — это самое страшное бедствие для народа.

Му Юаньюн ошарашенно замер. Он долго молчал, переваривая услышанное, прежде чем тихо выдавить:

— Я понял...

Словно боясь новой порции суровой отповеди, он робко заглянул Кон Цзяцзы в глаза:

— Я больше никогда не скажу подобной глупости. Научишь меня быть настоящим правителем? Я тугодум, так что... тебе придется потратить на меня много времени.

— Я хочу понять, в чем заключается истинный, Великий путь.

<http://bllate.org/book/18226/1760733>